

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

Научная статья
УДК 343.8

doi: 10.17223/23088451/26/16

ДЕМОКРАТИЗМ КАК ПРИНЦИП УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА:
АКТУАЛЬНОСТЬ, ЮРИДИЧЕСКАЯ ПРИРОДА, ОСНОВНЫЕ ПОСТУЛАТЫ

Павел Владимирович Тепляшин¹

¹ Сибирский юридический институт МВД России, Красноярск, Россия, pavlushat@mail.ru

Аннотация. В статье обозначаются причины исследовательской и практической значимости принципа демократизма. Раскрывается юридическая природа данного принципа. Установлено, что он является конституционным сложным принципом-законоположением регулятивного характера, имеет частичное отношение к общегосударственной сфере. Приводятся три базовых постулата, создающих основу для понимания принципа демократизма. Делается вывод о том, что существуют значительные резервы для оптимизации действия идей демократизма в уголовно-исполнительных отношениях.

Ключевые слова: гласность, клиентоцентричность, общественный контроль, осужденный, самодеятельная организация

Для цитирования: Тепляшин П.В. Демократизм как принцип уголовно-исполнительного законодательства: актуальность, юридическая природа, основные постулаты // Уголовная юстиция. 2025. № 26. С. 96–101. doi: 10.17223/23088451/26/16

Original article

doi: 10.17223/23088451/26/16

DEMOCRATISM AS A PRINCIPLE OF PENAL LEGISLATION:
RELEVANCE, LEGAL NATURE, FUNDAMENTAL POSTULATES

Pavel V. Teplyashin¹

¹ Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Krasnoyarsk, Russian Federation, pavlushat@mail.ru

Abstract. The article posits that the ideas enshrined in Article 8 of the Penal Code of the Russian Federation create a solid foundation for the entire penal mechanism of legal regulation of relevant social relations and shape the conceptual trajectory for the development of the penal policy of the Russian Federation. The reasons for the research and practical significance of the principle of democratism are outlined. The first reason is the highly ambiguous understanding of the principle of democratism within the scholarly community. The second reason lies in its rather imprecise linguistic-legal content. The third consists in its socially consolidating nature. The final reason is expressed in the fact that the idea under consideration is based on the fundamental socio-legal principles of transparency and openness, and refers to complex scientific-theoretical categories. The legal nature of this principle is revealed. The idea of democratism is a constitutional complex principle-legal provision of a regulatory nature and is partially related to the nationwide sphere. Three fundamental postulates forming the basis for understanding the principle of democratism are presented: 1) it is necessary to distinguish between the external and internal aspects of the manifestation of the principle of democratism; 2) it is highly sensitive to transformations in the surrounding social reality and its content is subject to constant change; 3) its implementation is associated with a shift from the retributive properties of criminal punishment to the consequentialist foundations of penal correctional influence and communicative mechanisms for the treatment of convicts. It is concluded that there are significant reserves for optimizing the application of the ideas of democratism in penal relations.

Keywords: transparency, client-centricity, public oversight, convict, self-governing organization

For citation: Teplyashin, P.V. (2025) Democratism as a principle of penal legislation: Relevance, legal nature, fundamental postulates. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 26. pp. 97–102. (In Russian). doi: 10.17223/23088451/26/16

Процесс развития уголовно-исполнительного законодательства претерпевает давление со стороны двух основных факторов. Первый заключается в гуманизации процесса исполнения и отбывания наказаний. Так, в

качестве одной из целей Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 г. (далее – Концепция) выступает гуманизация условий отбывания наказаний. Данный фактор

«стягивает» на себя смежные социально-правовые явления, к которым можно отнести, в частности, повышение уровня юридической защищенности и информированности лиц, содержащихся под стражей, и осужденных, их ресоциализацию и социальную реабилитацию как во время отбывания наказания, так и после освобождения от него. Второй фактор состоит в повышении безопасности как лиц, отбывающих уголовное наказание, так и общества, что предполагает, в частности, усиление отдельных сторон профилактического воздействия на осужденных посредством надзора, расширения практики контроля с применением аудиовизуальных, электронных и иных высокотехнологичных средств, повышение императивности при обращении с лицами, совершившими преступления террористической и экстремистской направленности. В этих условиях уголовно-исполнительное законодательство испытывает некую турбулентность своего развития и, что крайне важно, реализации. Думается, что важнейшими правовыми стабилизаторами, обеспечивающими устойчивое достижение целей и решение задач, закрепленных в ст. 1 УИК РФ, выступают принципы уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации. Идеи, зафиксированные в ст. 8 УИК РФ, создают прочную основу для всего уголовно-исполнительного механизма правового регулирования соответствующих общественных отношений, формируют общий замысел и концептуальную траекторию развития уголовно-исполнительной политики Российской Федерации.

Особую значимость имеют так называемые конституционные или, иначе, общеправовые принципы, среди которых отдельного внимания заслуживает идея демократизма. Акцентирование внимания на принципе демократизма можно объяснить рядом следующих причин.

Во-первых, научной общественностью неоднозначно и крайне дискуссионно воспринимается принцип демократизма. Так, Е.В. Лунгу не без основания постулирует: «Реализация принципа демократизма является самым спорным в уголовно-исполнительных отношениях» [1. С. 103]. Отчасти можно согласиться с тем, что содержание данного принципа имеет достаточно зыбкие «сцепки» с уголовно-исполнительными отношениями. По этому поводу небезынтересна позиция Кристофера Берка (Christopher D. Berk), который пишет: «Участие общественности и пенальная политика обычно противопоставляются друг другу. Институты и моральные принципы, которые демократии используют для реагирования на нарушения закона, похоже, только усугубляют ситуацию... Столкнувшись с криминалом, реакция народа редко бывает взвешенной» [2. Р. 67]. По его мнению, «общественность склонна к мести, которая [месть] подрывает разумное и справедливое применение наказания» [2. Р. 69]. Действительно, например, Всероссийский центр изучения общественного мнения в феврале 2025 г. представил результаты опроса общественного мнения относительно применения смертной казни, которые показали, что применение смертной казни является значимым для квалифицированного большинства (73%) граждан Российской Федерации. Вместе с тем недопустимо апеллировать к обобщенному

мнению населения, поскольку реализация принципа демократизма предполагает определенный уровень квалификации или соответствующую подготовленность (в частности, опыт работы в области защиты прав граждан для членов общественных наблюдательных комиссий) лиц, принимающих участие в деятельности уголовно-исполнительной системы по обеспечению задач уголовно-исполнительного законодательства.

Как представляется, наполняющие данный принцип идеи, на первый взгляд, расходятся с реализацией преимущественно императивных начал при исполнении уголовных наказаний. Однако именно принцип демократизма имеет значительные резервы для широкой грядущей реализации. Ведь уголовно-исполнительные отношения подвержены ощутимой трансформации, что и создает объективные предпосылки в динамичном сближении идейного поля рассматриваемого принципа с социальным назначением практики исполнения уголовных наказаний.

Во-вторых, среди всех общеправовых принципов именно идея демократизма имеет крайне рыхлое лингвистическое (лингво-юридическое) понимание. Так, слово, обозначающее данный принцип, не позволяет понять – в чем действительно заключается его смысл. Требуется глубокая интерпретация данной идеи. При этом нельзя не подчеркнуть и то обстоятельство, что принципы уголовно-исполнительного (в отличие, например, от уголовного, уголовно-процессуального) законодательства не раскрываются, а лишь перечисляются в соответствующей уголовно-правовой норме.

Во-третьих, данный принцип обладает системообразующим характером, поскольку именно он, обеспечивая прозрачность деятельности уголовно-исполнительной системы и способствуя ее социальной направленности, «втягивает» в этот процесс широкий спектр государственных органов, общественных объединений, институтов гражданского общества, консолидирует их работу в направлении достижения целей уголовного наказания. Кроме того, идея демократизма создает такую модель общественных отношений, в рамках которых еще более повышается значимость остальных принципов – в первую очередь законности, гуманизма, равенства осужденных перед законом.

В-четвертых, содержание принципа демократизма проистекает к сложным научно-теоретическим категориям (в частности, «общественный контроль», «институт гражданского общества») и терминам (например, «транспарентность»), которые используются для раскрытия смысла и действительного содержательного наполнения данной идеи. Более того, демократизм базируется на более фундаментальных социально-правовых принципах, к которым допустимо относить гласность и открытость. Как справедливо подчеркивает В.Н. Смольянинов, рассматриваемая идея «интегрирует в себе фундаментальные общеправовые принципы гласности и открытости» [3. С. 111]. В свою очередь А.М. Репьева верно констатирует, что «демократизм... общеправовой принцип, обладающий качеством универсальности и пронизывающий все отрасли правового знания» [4. С. 114].

Научно-теоретический интерес представляет определение юридической природы принципа демократизма. Так, данная идея заключена в норму-принцип учредительного характера, т.е. она отражает волю государства в моделировании соответствующих общественных отношений. Однако моделируемые общественные отношения, по замыслу законодателя, должны строиться не столько на императивных началах, сколько на диспозитивных, предполагать варианты поведения всех участников этих отношений. Взаимодействие между государством и осужденным должно строиться на клиентоцентричности, процедурах восстановления и моделях медиации. Следовательно, рассматриваемый принцип запускает действие не столько императивных норм, сколько диспозитивных. Хотя принцип демократизма является специально-юридической и формально-определенной правовой установкой, но его действие предполагает широкое социальное усмотрение в оказании помощи осужденным по их ресоциализации и интеграции в общество, значительный диапазон средств и форм контроля за деятельностью уголовно-исполнительной системы и иных подобных инструментов. Кроме того, нельзя не отметить, что нормы, обеспечивающие реализацию анализируемого принципа, могут быть как описательными, так и казуистичными. Ведь мера конкретизации реальных обстоятельств, которые закрепляются в норме, должна обладать, с одной стороны, предельно конкретным и точным характером, а с другой – включать все возможные меры, способы и формы действий субъектов, фактически реализующих принцип демократизма. В этом состоит правовая quintessence принципа демократизма.

Исходя из существования различных группировок правовых принципов, допустимо продемонстрировать юридическую сущность принципа демократизма посредством установления его классификационной принадлежности. Так, достаточно актуальной и по настоящее время является классификация, предложенная И.А. Сперанским, который, используя организационно-правовую критерий, ввел категорию принципов деятельности органов, исполняющих наказания. Соответственно, принципы отражали руководящие положения трех сфер: общегосударственной, в преломлении отраслевых начал и специальной для отдельных органов [5. С. 13]. Несмотря на то, что данная классификация за её внутреннюю противоречивость подвергается критике [6. С. 11], видится возможным принцип демократизма относить частично к общегосударственной сфере, но в преломлении отраслевых свойств данной идеи. Ведь уголовно-исполнительные регуляторы пересекаются с большинством норм различных отраслей права – трудового, права социального обеспечения, уголовно-процессуального и многих иных. При этом практически нет общественных отношений, которые не затрагивались (в ретроспективном аспекте) или в настоящее время находятся в стороне от области исполнения уголовных наказаний или применения иных мер уголовно-правового характера. Причем объем пересечений этих отношений с уголовно-исполнительными (исправительно-трудовыми) отношениями в различные исторические пери-

оды то расширяется (например, в условиях существования ГУЛАГа), то сжимается (в частности, в первые два десятилетия XXI столетия).

Нельзя обойти вниманием классификацию, предложенную В.Д. Филимоновым, в рамках которой используется такой критерий, как объем содержащихся в соответствующей идее нормативных требований, позволяющий выделить простые и сложные (составные) принципы [7. С. 35-37]. Соответственно, принцип демократизма следует идентифицировать как сложный, поскольку он содержит далеко не единичные нормативные требования к соответствующим участникам общественных отношений. Фактически принцип демократизма реализуется посредством нормативных установлений не только УИК РФ, но и ряда иных нормативных правовых актов, например: Федерального закона от 6 февраля 2023 г. № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» (регулирует общественные отношения, возникающие в сфере реализации мер, применяемых в отношении осужденных, лиц, которым назначены иные меры уголовно-правового характера, и лиц, освобожденных из учреждений, исполняющих наказания в виде принудительных работ или лишения свободы, которые оказались в трудной жизненной ситуации, в том числе ресоциализация, социальная адаптация и социальная реабилитация, защита прав и законных интересов указанных лиц), Федерального закона от 10 июня 2008 г. № 76-ФЗ «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания» (устанавливает правовые основы участия общественных объединений, ассоциаций (союзов), фондов, автономных некоммерческих организаций в общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания, к которым в том числе относятся учреждения, исполняющие соответствующие виды уголовных наказаний).

В зависимости от степени нормативной закреплённости Н.С. Малеев предлагает выделять принципы-нормы, обладающие максимальной нормативной силой, и принципы-законоположения, которые применяются преимущественно в системной связи с иными юридическими регуляторами. Первые из них проистекают из нормативного закрепления в конституционных положениях и(или) нормах федерального законодательства, тогда как вторые не обладают таким качеством либо имеют формальное закрепление в законе без четких и конкретных правил поведения [8. С. 12–15]. Как представляется, принципы-законоположения предполагают открытый перечень юридических установлений, отличаются значительным динамизмом и трансформируются под влиянием как социально-экономических, идеологических и иных условий, так и правовой доктрины. Обозначенные свойства принципов-законоположений с полной уверенностью позволяют отнести к ним идею демократизма, которая не находит прямого закрепления в Конституции Российской Федерации, а выражающие её нормативные установления «разбросаны» по разнообразным правовым актам.

Сложно обойти вниманием классификацию принципов, предложенную А.Л. Захаровым, который на основании их назначения и регулятивных возможностей выделяет принципы регулятивного и охранительного права. Первые закрепляют модели правомерного поведения участников соответствующих общественных отношений, тогда как вторые направлены на упрочение механизмов защиты прав и свобод личности [9. С. 12]. Научная интерпретация обозначенной классификации позволяет констатировать, что принцип демократизма является регулятивным, поскольку он предполагает активизацию механизмов социально-правовых инициатив граждан в уголовно-исполнительных отношениях, открытости (транспарентности) и гласности функционирования уголовно-исполнительной системы, признания осужденного не только объектом, но и субъектом исправительно-профилактического воздействия. Безусловно, элементы охранительной направленности можно обнаружить в части защиты прав, свобод и законных интересов осужденных через работу указанных выше механизмов, но они носят вторичный характер по отношению к регулятивному назначению принципа демократизма.

Представленные методологические предпосылки дают возможность изложить три базовых постулата, создающих основу для понимания принципа демократизма.

I. Термин «демократизм» является производным от понятия «демократия», квинтэссенция которого сводится к равному участию лиц в принятии каких-либо решений. Применительно к деятельности государства речь идет о народовласти. Как отмечает Н.А. Макарова, идея демократизма «предполагает реализацию уголовного наказания от имени большинства общества и под его контролем» [10. С. 12]. Однако такое суждение носит достаточно зауженный характер и отражает только условно внешнюю сторону принципа демократизма. Ведь «большинство членов общества» не являются осужденными, поэтому принцип демократизма в такой трактовке обходит лиц, отбывающих уголовное наказание. Это создает странную ситуацию, когда действие принципа не распространяется на осужденного, который является обязательным участником уголовно-исполнительных отношений. Необходимо утверждать действие исследуемой идеи и по отношению к осужденному, что отражает условно внутреннюю сторону принципа демократизма.

II. Рассматриваемый принцип достаточно чувствителен к преобразованиям в окружающей социальной действительности, и его содержание подвержено постоянной трансформации. Так, применительно к любому правовому принципу М.М. Бринчук верно отмечает, что «формируются принципы под воздействием тех конкретно-исторических условий, в которых действует право, они отражают определенный уровень экономического, идеологического, нравственного состояния общества» [11. С. 5]. Принцип демократизма продолжает формироваться, поэтому он имеет различное толкование как раз в силу весьма существенной динамики своего эволюционирования. Например, объем концептуальных положений, фактически наполняющих содержа-

ние принципа демократизма, расширился за счет введения в уголовно-исполнительные отношения клиентоцентричности в обращении с осужденными. Так, закрепляет реализацию «клиентоцентричного подхода» Концепция (раздел VII) и продолжает развивать Концепция внедрения принципов клиентоцентричности в Федеральной службе исполнения наказаний, утвержденная директором ФСИН России 12 сентября 2022 года. Данный подход является частным случаем материализации идей, заложенных в принцип демократизма и отражающих закономерности развития уголовно-исполнительных отношений, сущность и социальное назначение уголовно-исполнительного права. Клиентоцентричный подход указывает на постепенное движение уголовно-исполнительной системы Российской Федерации по пути так называемого «дружественного» отношения к осужденному, на расширение моделей взаимодействия с лицом, отбывающим уголовное наказание, практическое воплощение категории «персонал» администрации учреждений, исполняющих наказания.

Вместе с тем допустимо отметить, что существуют значительные резервы для оптимизации правовых установлений в направлении проникновения идей демократизма в уголовно-исполнительные отношения. Так, необходимо поддержать В.А. Уткина, справедливо указывающего, что «действующее уголовно-исполнительное законодательство с момента его принятия грешит декларативностью, хотя среди его принципов в ст. 8 УИК РФ упомянут «демократизм», а в числе основных средств исправления – «общественное воздействие (ст. 9)»» [12. С. 211–212].

Некоторые решения, которые принимаются законодателем, фактически расходятся с замыслом, заложенным в содержание принципа демократизма. Например, на основании Федерального закона от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» утратила силу ст. 111 УИК РФ, которая предусматривала функционирование самодеятельных организаций осужденных к лишению свободы. Данное решение выступило ответной реакцией на систематические нарушения дисциплины и порядка исправительных учреждений. Однако можно было бы откорректировать содержание нормативных положений, содержащихся в обозначенной статье. В этой связи сложно не согласиться с Е.О. Сиряковой, предлагающей «вернуть в УИК РФ данную норму в виде ст. 111 «Самодеятельные организации осужденных» в отмененной редакции, исключив из ч. 3 задачу содействия администрации исправительных учреждений в поддержании дисциплины и порядка, формировании социально-позитивных отношений между осужденными» [13. С. 156].

III. Принцип демократизма допустимо связывать с постепенным переходом от карательного характера уголовной политики, квинтэссенция которого состоит в ретрибутивистских свойствах уголовного наказания, к консеквенциалистским началам правового воздействия и коммуникативным качествам процесса обращения с

осужденными. Здесь можно говорить о культурологическом постулате, также лежащем в основе понимания принципа демократизма. Так, последовательное приобретение отечественной пенитенциарной системой коммуникативного содержания стало выражаться в том, что осужденный перестал быть объектом исключительно негативной оценки в силу совершенного им общественно опасного деяния, но стал участником диалога между ним и персоналом исправительного учреждения. Такой диалог направлен на формирование культурологического и человеческого равенства между ними, взаимопонимания важности, направлений и средств исправления, преодоления «боли» (в контексте воззрений Нильса Кристи) и ресоциализации. Идея демократизма развивает такое концептуальное явление, как «моральный диалог» представителей государства с осужденным, что позволяет запускать механизм его участия в принятии некоторых фактически управленческих решений (например, должно быть согласие осужденного, отбывающего лишение свободы в исправительной колонии строгого или общего режима, на его перевод в колонию-поселение), касающихся порядка и условий исполнения наказания, а также иных аспектов функционирования пенитенциарного учреждения. Более того, реализация концепции «морального диалога» уменьшает так называемую социальную дистанцию между персоналом исправительного учреждения и осужденным, что также является выражением принципа демократизма. Причем формально-юридический характер исследуемого принципа обеспечивает должный правопорядок в пенитенциарном учреждении, в том числе со стороны его персонала. В этой связи уместно привести мнение Горзда Мешко (Gorzd Meško) и Рока Хачина (Rok Hacin), которые пишут: «...восприятие тюремных работников заключенными как законных носителей власти положительно влияет на сокращение социальной дистанции между ними, поскольку легитимность проистекает из

приемлемости носителей власти, соответствующего отношения и отношений с получателями, а также справедливого обращения с получателями» [14. С. 709]. Концепция «морального диалога» находится в одном русле с клиентоцентричным подходом в обращении с осужденным, фактически подчеркивает «клиентские» качества лица, отбывающего уголовное наказание, его способность искупить вину и оправдать доверие общества к возможности его исправления. Итоги такого коммуникативного «диалога» показывают перспективы снижения уровня возмездных притязаний государства к осужденному и повышения инклюзивной атмосферы исполнения уголовного наказания.

Изложенный материал позволяет сформулировать ряд следующих обобщающих тезисов. Высокая исследовательская ценность и социально-правовая значимость принципа демократизма объясняется его крайне неоднозначным восприятием научной общественностью, достаточной рыхлым лингво-юридическим содержанием, социально консолидирующим характером, базируется на фундаментальных социально-правовых принципах гласности и открытости и отсылает к сложным научно-теоретическим категориям. Идея демократизма является конституционным сложным принципом-законоположением регулятивного характера и имеет частичное отношение к общегосударственной сфере. Допустимо обозначить три базовых постулата, создающих основу для понимания принципа демократизма: 1) следует выделять внешнюю и внутреннюю стороны проявления принципа демократизма; 2) он весьма чувствителен к преобразованиям в окружающей социальной действительности; его содержание подвержено постоянной трансформации; 3) его реализация сопряжена с переходом от действия ретрибутивистских свойств уголовного наказания к консеквенциалистским началам уголовно-исполнительного воздействия и коммуникативным механизмам обращения с осужденными.

Список источников

1. Лунгу Е.В. Конституционные принципы законности, гуманизма и демократизма в уголовно-исполнительных отношениях // Уголовно-исполнительная система сегодня: взаимодействие науки и практики : материалы Всероссийской научно-практической конференции / отв. ред. А.Г. Чириков. Новокузнецк : Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2017. С. 101–104.
2. Berk C.D. Must Penal Law Be Insulated from Public Influence? // Law and Philosophy. 2021. Vol. 40, Is. 1. P. 67–87.
3. Смольянинов В.Н. Принцип демократизма в уголовно-исполнительном праве // Вестник Института права Башкирского государственного университета. 2024. № 4. С. 109–117.
4. Репьева А.М. Принцип демократизма в воспитательных колониях: содержательный аспект и проблемы реализации // Алтайский юридический вестник. 2017. № 1. С. 112–115.
5. Сперанский И.А. Принципы советского исправительно-трудового права и их закрепление в основах исправительно-трудового законодательства Союза ССР и союзных республик : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М. : Высш. школа МВД СССР, 1970. 31 с.
6. Чубраков С.В. Проблема принципов в уголовно-исполнительном праве: история и современность / науч. ред. В.А. Уткин. Томск : Издательский Дом Томского гос. ун-та, 2015. 126 с.
7. Филимонов В.Д. Принципы уголовного права. М. : Центр ЮрИнфоР, 2002. 138 с.
8. Малейн Н.С. Правовые принципы, нормы и судебная практика // Государство и право. 1996. № 6. С. 12–18.
9. Захаров А.Л. Междотраслевые принципы права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань : Казан. гос. ун-т, 2003. 31 с.
10. Макарова Н.А. К вопросу о содержании и значении принципа демократизма в уголовно-исполнительном праве // Уголовно-исполнительная система: законодательство, политика, процесс : материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, приуроченной к 30-летию со дня образования Самарского юридического института ФСИН России, посвященной памяти российского ученого-пенитенциариста заслуженного юриста Российской Федерации доктора юридических наук, профессора О.В. Филимонова. Самара : Самарский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2024. С. 10–13.
11. Бринчук М.М. Принципы экологического права. М. : Юрлитинформ, 2013. 208 с.
12. Уткин В.А. О «человеческом измерении» в уголовно-исполнительной политике // Уголовно-исполнительная система: законодательство, политика, процесс : материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, приуроченной к 30-летию со дня образования Самарского юридического института ФСИН России, посвященной памяти российского ученого-пенитенциариста заслуженного юриста Российской Федерации доктора юридических наук, профессора О.В. Филимонова. Самара : Самарский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2024. С. 210–213.

13. Сирякова Е.О. Реализация общеправовых принципов в отечественном уголовно-исполнительном законодательстве // Уголовно-исполнительное право. 2022. Т. 17 (1–4), № 2. С. 152–159.
14. Meško G., Hacin R. Social Distance Between Prisoners and Prison Staff // The Prison Journal. 2019. Vol. 99, Is. 6. P. 706–724.

References

- Lungu, E.V. (2017) [Constitutional Principles of Legality, Humanism and Democratism in Penal Enforcement Relations]. *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema segodnya: vzaimodeistvie nauki i praktiki* [The Penal System Today: Interaction of Science and Practice]. Proceedings of the All-Russian Conference]. Novokuznetsk: Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service. pp. 101–104. (In Russian).
- Berk, C.D. (2021) Must Penal Law Be Insulated from Public Influence? *Law and Philosophy*. 40 (1). pp. 67–87.
- Smol'yaninov, V.N. (2024) Printsip demokratizma v ugolovno-ispolnitel'nom prave [The Principle of Democratism in Penal Enforcement Law]. *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta*. 4. pp. 109–117.
- Rep'eva, A.M. (2017) Printsip demokratizma v vospitatel'nykh koloniyakh: soderzhatel'nyi aspekt i problemy realizatsii [The Principle of Democratism in Juvenile Colonies: Content Aspect and Implementation Problems]. *Altaiskii yuridicheskii vestnik*. 1. pp. 112–115.
- Speranskiy, I.A. (1970) *Printsipy sovetskogo ispravitel'no-trudovogo prava i ikh zakreplenie v osnovakh ispravitel'no-trudovogo zakonodatel'stva Soyuza SSR i soyuznykh respublik* [Principles of Soviet Corrective Labour Law and Their Consolidation in the Fundamentals of Corrective Labour Legislation of the USSR and the Union Republics]. Abstract of Law Dr. Diss. Moscow.
- Chubakov, S.V. (2015) *Problema printsipov v ugolovno-ispolnitel'nom prave: istoriya i sovremennost'* [The Problem of Principles in Penal Enforcement Law: History and Modernity]. Tomsk: Tomsk State University.
- Filimonov, V.D. (2002) *Printsipy ugolovnogo prava* [Principles of Criminal Law]. Moscow: Tsentr YurInfoR
- Malein, N.S. (1996) *Pravovye printsipy, normy i sudebnaya praktika* [Legal Principles, Norms and Judicial Practice]. *Gosudarstvo i pravo*. 6. pp. 12–18.
- Zakharov, A.L. (2003) *Mezhotraslevye printsipy prava* [Inter-Branch Principles of Law]. :Abstract of Law Cand. Diss. Kazan.
- Makarova, N.A. (2024) [On the Content and Significance of the Principle of Democratism in Penal Enforcement Law]. *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema: zakonodatel'stvo, politika, protsess* [The Penal System: Legislation, Policy, Process]. Proceedings of the All-Russian Conference with International Participation, Dedicated to the 30th Anniversary of the Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Dedicated to the Memory of the Russian Penitentiary Scientist, Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor O.V. Filimonov. Samara: Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service. pp. 10–13. (In Russian).
- Brinchuk, M.M. (2013) *Printsipy ekologicheskogo prava* [Principles of Environmental Law]. Moscow: YurLitinform.
- Utkin, V.A. (2024) [On the "Human Dimension" in Penal Enforcement Policy]. *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema: zakonodatel'stvo, politika, protsess* [The Penal System: Legislation, Policy, Process]. Proceedings of the All-Russian Conference with International Participation, Dedicated to the 30th Anniversary of the Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Dedicated to the Memory of the Russian Penitentiary Scientist, Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor O.V. Filimonov. Samara: Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service. pp. 210–213. (In Russian).
- Siryakova, E.O. (2022) Realizatsiya obshchepравovykh printsipov v otechestvennom ugolovno-ispolnitel'nom zakonodatel'stve [Implementation of General Legal Principles in Russian Penal Enforcement Legislation]. *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo*. 17 (1–4), 2. pp. 152–159.
- Meško, G. & Hacin, R. (2019) Social Distance Between Prisoners and Prison Staff. *The Prison Journal*. 99 (6). pp. 706–724.

Информация об авторе:

Тепляшин П.В. – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии Сибирского юридического института МВД России (Красноярск, Россия). E-mail: pavlushat@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

P.V. Teplyashin, Dr. Sci. (Law), full professor, professor at the Department of Criminal Law and Criminology, Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: pavlushat@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 28.10.2025;
одобрена после рецензирования 05.12.2025; принята к публикации 19.12.2025.*

*The article was submitted 28.10.2025;
approved after reviewing 05.12.2025; accepted for publication 19.12.2025.*